

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ – НИЖНЕМ ПОДОНЬЕ СКИФСКОЙ ЭПОХИ*

В античном Причерноморье исследователи выделяют шесть-восемь самостоятельных культурно-исторических или экономико-географических районов¹. В их числе уверенно называют и Северо-Восточный район Боспора, включающий в себя помимо Восточного Крыма все приазовские степи, Таманский полуостров и Прикубанье вплоть до Горгиишии². Само по себе выделение данного района среди прочих не вызывает серьезных возражений и пользуется широким признанием у антиковедов. Впрочем, прямое использование этой дефиниции в полном объеме в соответствующих разработках крайне ограничено. Значительное экономико-географическое (природное) и культурно-историческое своеобразие отдельных частей, составляющих эту обширную конгломерацию, сплошь и рядом заставляет исследователей вполне дифференцированно подходить к изучению их истории. Среди конкретных территорий такого рода, входящих в Боспорский район античного Причерноморья, особое место по праву занимает Северо-Восточное Приазовье – Нижнее Подонье скифской эпохи.

Историко-географическая специфика той части Боспорского района уже давно обратила на себя внимание исследователей. При этом до недавнего времени она рассматривалась почти исключительно в трех различных аспектах: с точки зрения пограничного положения территории – на стыке трех крупнейших этнокультурных массивов раннего железного века: скифов, савромато-сарматов и меотов, своеобразие гречко-варварских торговых и культурных контактов и, наконец, особенностей местной культуры³.

Следует заметить, что новейшие археологические изыскания в Северо-Восточном Приазовье – Нижнем Подонье позволили существенно конкретизировать и обогатить такого рода представления. Более того, они дали и совершенно новые доказательства своеобразия исторических процессов, протекавших в этой части степного коридора Восточной Европы в скифскую эпоху. Так, например, с открытием вполне достоверных следов сразу двух новых греческих колоний в дельте Дона⁴ стало очевидно, что данная территория, несмотря на относительную отдаленность от главных центров Боспора, в течение длительного времени

* Публикация статьи осуществлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта "Древний мир: проблемы экологии" (код проекта 93.06.10594).

¹ Rostovtzeff M. The Social Economic History of the Hellenistic World. Oxf., 1941. P. 585 ff.; Шелов Д.Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М., 1967. С. 219–220; Брашинский И.Б. Опыт географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. 1970. № 2. С. 133–137; Брашинский И.Б., Шеглов А.И. Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 43.

² Шелов. Ук. соч. С. 220; ср.: Брашинский. Ук. соч. С. 135.

³ См., например: Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 45 сл.; Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980; Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983; Brašinskij J.B., Marčenko K.K. Elisavetovskoje. Skythische Stadt im Don-Delta. München. 1984.

⁴ Марченко К.К., Житников В.Г., Яковенко Э.В. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. 1988. № 3. С. 75–77; Марченко К.К. Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1. С. 129–138.

обладала достаточно мощной притягательной силой для эллинов и во второй половине IV – первой трети III в. до н.э. превратилась в один из основных районов вторичной колонизации.

Не менее существенным при оценке историко-географической специфики интересующего нас античного "пограничья" явилось, наконец, осознание того, что культурогенез хотя бы и части местного населения Нижнего Подонья, прежде всего кочевников, во многом имел иной ритм и проходил более ускоренными темпами, нежели в других регионах степной зоны Северного Причерноморья скифской эпохи.

Как установлено ныне, здесь гораздо раньше, чем на западе Скифии, в Приднепровье, началось оседание номадов на землю, что вскоре привело к радикальным изменениям в их культуре и экономике. Еще в самом начале V в. до н.э. в дельте Дона возникает первый постоянный зимник и родовос кладбище кочевников. Во второй половине – конце того же столетия зимник быстро трансформируется в стационарное поселение скотоводов, рыболовов, торговцев и ремесленников. В первой половине – середине следующего века в регионе функционирует уже целая серия (более 20) стойбищ и постоянных поселений, одно из которых – так называемое Елизаветовское городище на Дону – вскоре превращается в крупнейший населенный пункт городского типа, игравший роль хозяйственного, административного, культурного и религиозного центра всего Северо-Восточного Приазовья IV в. до н.э.⁵

Ускоренный темп оседания номадов на землю в этой части античного "пограничья" и возникновение здесь уже в первой половине IV в. до н.э. одной из экономических "столиц" степной Скифии в современной историографии объясняется обычно двумя основными и связанными друг с другом обстоятельствами. Первое – это особое географическое положение Нижнего Подонья, которое являлось по сути контактной зоной этнически различных и постоянно взаимодействовавших друг с другом общественно-политических объединений туземцев. Второе – предельно тесные и быстро расширявшиеся торговые и иные связи местных жителей с несравненно более развитым в культурном отношении населением городов Боспорского царства⁶. Значительно меньшее внимание исследователи обращают на роль природной среды обитания в формировании вполне определенного ритма и конкретного облика культурогенеза номадов Северо-Восточного Приазовья. Лишь в последнее время здесь намечился некоторый сдвиг⁷.

Какие же выводы могут быть сделаны ныне под этим углом зрения? Для того, чтобы точнее ответить на этот важнейший вопрос, необходимо, по-видимому, хотя бы в самых общих чертах попытаться реконструировать природный комплекс района для VI–III вв. до н.э., поскольку он мог существенно отличаться по ряду параметров от современного.

По существующим в настоящее время схемам физико-географического районирования Северо-Восточное Приазовье – Нижнее Подонье входит в состав Нижнедонской степной зональной области⁸. По характеру геологического строения здесь выделяют сразу несколько геоморфологических районов, представленных различными видами аккумулятивных и денудационных равнин⁹. Среди последних чаще всего называют Левобережную пойму (Южно-Донской геоморфологический район), Правобережье Дона (Северо-Приазовская равнина) и

⁵ Брашинский И.Б., Марченко К.К. Елизаветовское городище на Дону – поселение городского типа // СА. 1980. № 1. С. 211–218; Марченко К.К. Основные этапы истории Елизаветовского поселения на Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983. С. 60–63; Марченко. Житников, Яковенко. Ук. соч. С. 63–75.

⁶ См., например: Житников В.Г. Политическая и демографическая ситуация конца VI – начала V в. до н.э. на Нижнем Дону и возникновение Елизаветовского поселения // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье. Тез. докл. к семинару. Новочеркасск, 1987. С. 11–13; Лукьяшко С.И. Этнические процессы на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI–IV вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Тез. докл. конф. Азов, 1988. С. 70–72; Лукьяшко С.И., Максименко В.Е. Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону и Северо-Восточном Приазовье в VI–V вв. до н.э. // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990. С. 20 сл.

⁷ Житников В.Г. Дельта Дона в скифское время // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992. С. 8–18; он же. Нижнее Подонье в VI – первой трети III в. до н.э. (Экономическая характеристика): Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1992. С. 8–10; Лукьяшко С.И. Природные условия и ресурсы Нижнего Дона в I тысячелетии до н.э. // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992. С. 18–25.

⁸ Физическая география Нижнего Дона. Ростов-на-Дону, 1971. С. 81

⁹ Панов Д.Г. Геоморфологические уровни южной части Русской равнины // Природные и трудовые ресурсы Украины и их использование. М., 1966. С. 13.

Донскую дельту. Существенно, впрочем, что при всех известных и подчас весьма значительных отличиях в строении рельефа, составе почв, степени увлажненности и даже среднегодовых колебаний температуры двух наиболее крупных из вышеназванных районов – Южно-Донского и Северо-Приазовского – оба они представляют собой одну природно-климатическую зону и могут рассматриваться в качестве органической части степного коридора Северного Причерноморья. Судя по отрывочным данным античной литературной традиции, материалам палеоклиматологии, палеоботаники, палеозоологии и археологии, к этой зоне в общем приложима характеристика, которая обычно дается при определении природного комплекса Скифии в целом¹⁰. В этом смысле большая часть Северо-Восточного Приазовья – Нижнего Подонья мало отличалась от остальных территорий степей Восточной Европы раннего железного века и вряд ли могла воздействовать на ритм и конкретный облик культурогенеза местного населения каким-либо особым образом.

Другое дело – геоморфологический район Донской дельты. Уже одно только обстоятельство, что подавляющее большинство археологически зафиксированных памятников полукочевого и оседлого населения скифского времени находится в пределах этой относительно небольшой зоны Северо-Восточного Приазовья – Нижнего Подонья или непосредственно примыкает к ней¹¹, заставляет обратить особое внимание на природный комплекс этой территории. Остановимся на данном вопросе подробнее.

В настоящее время дельта Дона имеет площадь около 340 кв. км. В целом район представляет собой плоскую, слабо наклоненную в сторону Таганрогского залива равнину. Для ландшафта дельты характерны прирусловые валы современных и отмерших рукавов реки, местами заболоченные участки понижений, западины древних русел. Центральная и восточная части дельты составляют ее крупноостровную область. Именно здесь в древности находилось наибольшее число поселений местных жителей, включая и самое крупное из них – уже упоминавшуюся "столицу" Северо-Восточного Приазовья – так называемое Елизаветовское городище на Дону. В центре района, у современного хут. Дугино, располагается цепь песчаных холмов высотой около 5–8 м. Приморская зона дельты состоит из большого количества маленьких островков.

Разнообразен почвенный покров дельты: в восточной части территории расположены лугово-болотистые и глинистые, а в западной – илистые, песчаные и слабосолончаковые почвы¹². В целом же дельтовые почвы малопродуктивны и не годятся для земледелия. Основную хозяйственную ценность здесь составляют ныне обширные заливные луга с обильными кормовыми травами, необходимыми для выпаса домашних животных. Важно заметить, что сопоставление карты почв Нижнего Подонья с географией археологических памятников скифского времени показывает отсутствие тесной связи между поселениями полукочевников и оседлых жителей дельты и наличием удобных для сельскохозяйственных работ участков.

Вместе с тем очевидно и то, что до недавнего времени большая часть площади района была в общем явно непригодна для создания здесь постоянно действующих поселков. До постройки Цимлянской плотины в 1952 г. почти вся территория центральной дельты, за исключением ближайшей округи Елизаветовского городища и цепи больших песчаных холмов между ериками Дугиным и Лагутником к северо-западу от этого памятника, регулярно покрывалась водой во время весенних разливов Дона¹³. Паводковые воды заливали не только наиболее низменные участки островов дельты, но и практически всю площадь курганного некрополя жителей "столицы", превращая на длительное время окрестности городища в труднопроходимые болота. В последние десятилетия естественный режим Дона коренным образом изменился. Уровни и расходы весеннего половодья заметно снизились, поскольку сток реки во многом идет на пополнение водохранилища¹⁴. Степень затопления островов резко сократилась. Основным фактором, определяющим силу наводнений, стали весьма значительные для центрального участка дельты ветровые сгонно-нагонные колебания уровня реки¹⁵.

Мысль о том, что физико-географический облик района Елизаветовского городища и дельты в целом в скифское время существенно отличался от современного, принадлежит еще

¹⁰ См., например: *Житников*. Дельта Дона... С. 9–10; *Лукьянко*. Природные условия... С. 22–24.

¹¹ См. *Brašinskij, Marčenko*. Op. cit. S. 8–9, Abb. 1.

¹² *Родионов Н. А.* Гидрология устьевой области Дона. М., 1958. С. 22.

¹³ См.: *Миллер А. А.* Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. № 35. С. 87; *Ушаков И. И.* На раскопках древнего Танаиса // ЗРОИДП. 1914. II. С. 144.

¹⁴ *Самохин А. Ф.* Река Дон и ее притоки. Ростов-на-Дону, 1958. С. 41, 59.

¹⁵ Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 7. Л, 1973. С. 80–81.

первооткрывателю памятника проф. П.М. Леонтьеву. Он высказал, в частности, твердое убеждение, что с северной стороны "города", примыкающего к обширной болотистой равнине с заросшим тростником Дугинным ериком, "в древности, без сомнения, был лиман, который мог служить гаванью для судов"¹⁶.

За прошедшие более чем сто лет к изучению палеогеографии дельты скифского периода обращалось довольно большое число исследователей. Из всех имеющихся в настоящее время работ наибольший интерес представляют изыскания А.А. Миллера, поскольку они касаются прежде всего Elizavetovskogo городища. Следует отметить и то, что он использовал практически все доступные в то время факты и методы: историко-археологический с привлечением античной литературной традиции, сравнительно-картографический и гидрографический, заключавшийся в изучении рельефа района, нивелировке отдельных участков дельты и закладке специальных зондажей в местах предполагаемого прохождения древних русел реки для получения стратиграфических колонок¹⁷. К сожалению, в нашем распоряжении оказались далеко не все результаты изысканий А.А. Миллера (наиболее значительны утраты результатов гидрографических исследований), однако картина, которую смог получить ученый в ходе многолетних наблюдений, более или менее ясна.

А.А. Миллер полагал, что Elizavetovskoe поселение было основано "на очень низком песчаном островке". Этот островок в скифское время с севера ограничивал боковой судоходный проток, быть может, главный рукав Дона. С западной стороны островок обтекали "небольшие сравнительно протоки", от которых еще в первой трети XX столетия сохранились "явственно различимые остатки"¹⁸. Песчаные холмы между ериками Дугинным и Лагутником, на которых экспедиция А.А. Миллера обнаружила многочисленные следы жизни в скифский период, поселение на левом берегу Лагутника, синхронное Elizavetovskomu городищу, территория самого городища с валобразным возвышением к востоку и, наконец, площадь курганного могильника составляли, по мнению исследователя, так называемую культурную часть дельты, общие размеры которой в древности были гораздо меньше современных. Существенно также, что по мнению А.А. Миллера, весь этот район находился значительно ближе к морю, чем теперь¹⁹.

Все остальные известные до недавнего времени реконструкции палеогеографии средней части дельты, в том числе работы В.В. Богачева, М.Б. Краснянского, А. Германа, Н.В. Самойлова, А.Ф. Самохина, А.И. Болтуновой и Д.Б. Шелова, не содержат ничего принципиально отличного в сравнении с разработкой А.А. Миллера²⁰.

Высоко оценивая результаты изысканий этого исследователя, мы тем не менее не можем упускать из вида того очевидного факта, что с тех пор прошло около семидесяти лет. Закономерен вопрос: можно ли доверять заключениям А.А. Миллера в настоящее время, и если возможно, то в какой мере?

Как представляется, конструктивный ответ на данный вопрос заключается в следующем: во-первых, провести проверку на местности гидрографических и геоморфологических наблюдений этого исследователя и, во-вторых, использовать какую-то новую, ранее неизвестную информацию, позволяющую с иных позиций подойти к решению интересующей нас проблемы.

Реализация первого из вышеуказанных путей наталкивается на практически непреодолимые трудности, поскольку приходится считаться с весьма значительными переменами в рельефе местности, произошедшими в последние десятилетия в связи с крупномасштабным строительством большой серии рыбопродуктивных прудов в дельте. Это строительство, затронув большую часть района, не только кардинально трансформировало естественный рельеф всей

¹⁶ Леонтьев П.М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилей. IV. М., 1854. С. 116.

¹⁷ См. Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станции Elizavetovskoy на находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. // ИГАИМК. 1935. № 104. С. 111. Прим. 1.

¹⁸ Миллер А.А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1926 и 1927 гг. // СГАИМК. 1929. II. С. 81–82.

¹⁹ Миллер. Раскопки... С. 87–90.

²⁰ Ср.: Богачев В.В. Географическое развитие дельты р. Дон в связи с ее заселением // Сб. Учен.-литературного Общества при Юрьевском университете. Юрьев, 1910. Т. XVI. С. 236–237; Краснянский М.Б. Розыски древних поселений Дона // ЗРОИДП. 1914. II. С. 141; Вязигин С.А. Танаидская комиссия СКОАИЭ // ЗСКОАИЭ. 1929–1930. Т. I (III). Вып. 5–6. С. 96; Герман А. Tanais // RE. 1932. IV. Sp. 2164–2165; Самойлов Н.В. Устья рек. М., 1952. С. 241; 245; Самохин. Ук. соч. С. 49; Болтунова А.И. Ранний Танаис (III–II вв. до н.э.) // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962. С. 80; Шелов. Танаис... С. 72, 84.

около городища, но, к сожалению, нанесло непоправимый ущерб и большинству памятников скифской эпохи.

Определенные трудности имеются и при другом подходе к поставленному вопросу. Главная из них – отсутствие вполне современного исследования, достаточно подробно рассматривающего дельту в статистическом и динамическом аспектах. В таких условиях кажется маловероятным удовлетворительное обоснование эволюции "культурной" территории. И все же этот второй путь вполне возможен. Наш оптимизм основан на следующем: первое – несомненный прогресс современной науки в разработке последних страниц геологической истории Черного и связанного с ним Азовского морей; второе – наличие принципиально новых археологических и геоморфологических наблюдений для средней части дельты, полученных в последнее время в процессе исследования Елизаветовского городища и поселений его округа.

Обратимся к рассмотрению накопленных материалов. Хорошо известно, что область устья Дона в настоящее время является зоной динамических изменений. По мнению ряда гидрологов, до постройки Цимлянской плотины дельта выдвигалась в море на расстояние около 10 м²¹.

Процесс разрастания района идет путем ветвления рукавов, между которыми отложения наносов образуют молодые отмели и острова. Характерной особенностью устьевой области является вертикальный рост островов, происходящий не только на взморье, но практически на всей территории, заливаемой во время нагонных наводнений. Значение отдельных рукавов Дона в нарастании дельты со временем меняется. В настоящее время основную роль в ее развитии играет Каланча, находящаяся в стадии активной деятельности и представляющая фактическую живую силу реки.

Решение вопроса о том, что из себя представляла дельта в скифскую эпоху, зависит в значительной степени от успешного поиска линии берега. В научной литературе, как археологической, так и гидрографической, известно немало попыток определить эту линию. Практически все они в большей или меньшей мере базируются на показаниях античных географов. При остром недостатке естественно-научного фактологического материала решающим оказался материал исторический.

Основное внимание, как правило, уделяется Страбону, точнее тем двум его свидетельствам, в которых говорится о приморском положении города Танаиса и о двух устьях Дона, находящихся друг от друга на расстоянии 60 стадиев (XI. 2.2). Совершенно очевидно, однако, что при указанном положении дел результаты поиска оказываются каждый раз в прямой зависимости от того, что понимается под Танаисом – только развалины греческого города у с. Недвиговка или, дополнительно к этому, остатки городища у станции Елизаветовская. С этой точки зрения все попытки такого рода могут быть объединены в две группы.

К первой вполне возможно отнести работы, авторы которых исходили в своих определениях из существования Танаиса только в районе с. Недвиговка, т.е. на коренном берегу Мертвого Донца. В их числе назову прежде всего исследование П.М. Леонтьева, Г.П. Гельмерсона и вполне современную разработку Д.Б. Шелова²². По мнению этих ученых, морской край дельты в скифское время проходил примерно в 10–13 км западнее Елизаветовского городища, т.е. где-то по линии Недвиговка – Азов.

Вторая группа исследователей (В.В. Богачев, гидрологи Н.В. Самойлов и А.Ф. Самохин) отодвигает морскую границу в ее южной части гораздо восточнее, вплоть до западного края острова, на котором расположено Елизаветовское городище²³. В этом случае последнее оказывается типично приморским памятником. Исходной посылкой для такого резкого сокращения дельты является принятие Елизаветовки за ранний, так называемый дополемоновский Танаис.

Успехи археологической науки вскрыли ошибочность позиции авторов второй группы. Значит ли это, однако, что мы можем сразу безоговорочно принять выводы первых из вышеперечисленных исследователей? По всей видимости, нет. Как уже упоминалось ранее, почти все проведенные изыскания морского края дельты базируются, главным образом, на исторических данных, в то время как естественнонаучные материалы по необходимости играют сугубо подчиненную роль²⁴. Вместе с тем очевидно, что подобное соотношение источников не может считаться нормальным при рассмотрении задач такого рода.

²¹ *Зенкевич В.П.*: Берега Черного и Азовского морей. М., 1958. С. 187.

²² *Леонтьев*. Ук. соч. С. 111; *Гельмерсон Г.П.* По вопросу о предполагаемом обмелении Азовского моря // ЗРГО. 1869. II. С. 195; *Шелов*. Танаис... С. 84–85.

²³ *Богачев*. Ук. соч.; *Самойлов*. Ук. соч. С. 245; *Самохин*. Ук. соч.

²⁴ Единственное исключение из этого правила представляет, по-видимому, разработка В.Г. Житникова (Дельта Дона... С. 9).

Констатируя данное обстоятельство, я тем не менее склонен полагать, что морской берег дельты скифского времени все же находился на значительном расстоянии от Елизаветовского поселения и что, следовательно, этот памятник не может рассматриваться как безусловно приморский. Именно в этом отношении выводы П.М. Леонтьева, Г.П. Гельмерсона и Д.Б. Шелова кажутся ныне вполне убедительными. На чем строится такое заключение? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем представить хотя бы в самом общем виде картину эволюции дельты Дона во второй половине голоцена, используя для этого те новые данные, которые предоставляет в наше распоряжение современная геология четвертичного периода.

Хорошо известно, что формирование устьевой области любой крупной реки в значительной степени определяется взаимодействием речных и морских факторов. Среди последних особая роль отводится эвстатическим колебаниям уровня моря. Как установлено в настоящее время, значительное повышение уровня мирового океана в послеледниковый период, вызванное общепланетарным потеплением климата и деградацией ледников, привело в III–II тыс. до н.э. к условиям, когда горизонты Черного и Азовского морей превысили современный уровень на 2 м²⁵. Это явление названо в геологической литературе "новочерноморской трансгрессией".

Учитывая небольшие различия в отметках высот рельефа территории дельты и показания отметок уровней во время нагонных наводнений, можно утверждать, что при указанных обстоятельствах практически вся современная дельта находилась ниже уровня вод Таганрогского залива. Над поверхностью образовавшегося лимана могли выступать лишь отдельные, крайне небольшие участки суши, частично или полностью заливаемые во время наводнений.

К числу таких островков, как показывают последние наблюдения, принадлежала и площадь, на которой впоследствии было основано Елизаветовское городище. Здесь в процессе археологических раскопок удалось установить, что культурный слой на всех наиболее возвышенных участках памятника, например в северной части "акрополя", подстилает мощный пласт плейстоценовых лессовидных суглинков без каких-либо следов отложения морских или речных наносов более позднего происхождения. На нем к моменту возникновения поселения сформировался пласт постоянной почвы.

Точные данные о размерах площади, не перекрытой наносами, пока не определены, но, по-видимому, она была небольшая, поскольку в ряде периферийных участков и на всех наиболее низменных площадях "акрополя" городища между культурным слоем и пластом лессовидного суглинка четко фиксируется прослойка мелкозернистого песка аллювиального происхождения. Мощность прослойки местами достигает 1–2 м.

Присутствие в толще песка среди вещественных находок V–IV вв. до н.э. фрагментов керамики различных этапов эпохи поздней бронзы, суммарно датированных серединой II – первыми веками I тыс. до н.э., позволяет отнести время накопления этой прослойки, как минимум, к первой половине II тыс. до н.э., что, разумеется, не исключает и более раннюю датировку. Где находились другие острова речного лимана и существовали ли они вообще, сказать трудно, для этого явно не хватает данных. Впрочем, для нас в настоящем случае это не так уж и важно.

Следующий поворотный этап в развитии устьевой области Дона совпадает с началом так называемой фанагорийской регрессии, относимой большинством геологов ко II–I тыс. до н.э. Максимум фанагорийской регрессии падает по П.В. Федорову на середину I тыс. до н.э.²⁶ В это время уровни Черного и Азовского морей понизились до минус 4–6 м по отношению к современным или даже, как полагают А.Б. Островский и К.К. Шилик, до минус 10 м²⁷. Есть основания считать, что регрессия развивалась относительно быстро и что уже к середине – второй половине II тыс. до н.э. был достигнут современный уровень моря²⁸.

²⁵ Федоров П.В. Последние страницы геологической истории Черного моря в связи с новыми материалами по донным отложениям шельфа // Тез. докл. советских ученых к IX конгрессу INQUA (Новая Зеландия, 1973). М., 1973. С. 42.

²⁶ Федоров П.В. О современной эпохе в геологической истории Черного моря // ДАН СССР. 1956. Т. 110. № 5. С. 841.

²⁷ Островский А.Б. Стратиграфия, исотектоника и геологическая история плейстоцена Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа: Автореф. дис... канд. геологич. наук. Ростов-на-Дону, 1968. Табл. 2; Шилик К.К. Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене: Автореф. дис... канд. географич. наук. Л., 1975. Рис. 15.

²⁸ Шилик К.К. Определение высоты и абсолютного возраста новочерноморской террасы в Ольвии // ДАН СССР. 1972. Т. 203. № 5. С. 1158.

Вполне естественно предположить, таким образом, что в процессе энергичного отступления мелководного Таганрогского залива в дельте Дона начали обнажаться участки дна.

Как представляется ныне, одной из первых над поверхностью могла появиться песчаная гряда, расположенная между ериками Дугиным и Лагутником. Тот факт, что гряда находится на линии, ориентация которой существенно отличается от направления основных русел дельты Дона, дает основание полагать, что своему образованию она обязана не только созидательной деятельности реки, но скорее всего и моря. Эта точка зрения подтверждается и другими характеристиками гряды: относительно большими размерами, значительно превышающими величину самых крупных прирусловых валов современной дельты, наличием подвижных дюн (бугров), возникающих, как правило, именно на речно-морских грядах по мере отступления моря, и т.д.

Первые, достаточно четко фиксируемые археологическим путем следы жизнедеятельности на этом участке суши относятся к середине II тыс. до н.э. Если мое предположение верно, то перед нами остаток морского берега дельты начальной фазы фанагорийской регрессии. Генезис берега, по-видимому, шел обычным путем: сначала под действием береговых течений и волн из приносимых Доном материалов возникла подводная приустьевая коса или бар, затем, по мере постепенного наращивания наносов, с одной стороны, и дальнейшего понижения уровня моря – с другой, образовалась речно-морская гряда, и, наконец, сложился морской берег, на котором впоследствии ветер сформировал довольно высокие дюны.

Возникновение речно-морской гряды на линии песчаных холмов между ериками Дугин и Лагутник явилось, по всей видимости, начальной стадией образования обширной территории, где ныне расположена низменная болотистая равнина истоков Лагутника. Нет никакого сомнения, что здесь, к северу от Елизаветовского городища, по мере отступления моря образовался пресноводный лиман (или озеро), связанный с Таганрогским заливом двумя или даже тремя рукавами. Есть некоторые, правда косвенные, данные для предположения, что в скифскую эпоху этот лиман не успел заполниться аллювиальными отложениями реки и по своим размерам был еще довольно значительным. В подтверждение могут быть приведены следующие соображения: первое – заполнение лимана речными наносами и илами в ходе фанагорийской регрессии не могло идти слишком быстрыми темпами, поскольку увеличение гидрологического уклона Дона в устьевой области способствовало увеличению скорости течения в рукавах и, как следствие, усиливало транспортирующую способность реки; второе – на некоторых рукописных картах дельты именно в районе истоков Лагутника показаны очертания сильно заиленного озера, носившего название Прогной²⁹. Размеры озера в первой половине XIX в. оставались все еще весьма внушительными – около 7 кв. км. Наконец, третьи – обращают на себя внимание в связи с рассматриваемым вопросом и особенности топографического положения некоторых памятников скифской эпохи этой части дельты. Как уже упоминалось, кроме Елизаветовского городища, расположенного непосредственно к югу от предполагаемого лимана, имеются вполне четкие следы жизни на всей линии дюн речно-морской гряды. Характер следов свидетельствует о том, что одним из главных занятий обитавших здесь людей в течение всего скифского периода было рыболовство. Объем добываемой рыбы, по нашим оценкам, был весьма значительным и, вероятнее всего, намного превышал насущные потребности самих рыбаков³⁰. Спрашивается, где жители довольно-таки многочисленных стоянок на дюнах могли ловить рыбу? Поскольку в настоящее время в непосредственной близости от гряды нет сколько-нибудь крупных водоемов, нельзя ли и данное обстоятельство рассматривать как еще одно доказательство существования в скифское время лимана или большого озера в районе истоков Лагутника?

Выше уже отмечалось, что развитие фанагорийской регрессии продолжалось вплоть до середины I тыс. до н.э. Нет никаких сомнений, что в ее ходе воды Таганрогского залива освободили обширные участки дна в приморской зоне. Первые зафиксированные признаки нового повышения уровней Черного и Азовского морей падают только на рубеж нашей эры³¹.

К сожалению, я не располагаю данными, позволяющими хотя бы приблизительно оценить мощность позднейших аллювиальных отложений на возвышенных равнинных участках дельты к западу от Елизаветовского поселения. Вполне вероятно, что они не превышали величину самой регрессии. Исходя из вышесказанного и принимая во внимание также весьма незначительный уклон поверхности дельты в сторону Таганрогского залива, нетрудно сделать вывод, что "столица" всего Нижнего Подонья с момента возникновения

²⁹ Белявский П.Е. Донские гирла. СПб., 1888. С. 46.

³⁰ Марченко, Житников, Яковенко. Ук. соч. С. 70.

³¹ Шилик. Изменения уровня Черного моря...

и до конца своего существования находилась на значительном расстоянии от морского берега. Как весьма убедительно доказано Д.Б. Шеловым, проделавшим скрупулезный анализ данных античной литературной традиции, одна из точек, через которую в это время проходил морской берег, находилась в районе Недвиговского городища или несколько западнее³². Поиск других, столь же хорошо обоснованных рубежей, должен продолжаться. В настоящее время достаточно ясно, пожалуй, лишь одно: площадь дельты в скифскую эпоху все-таки была существенно меньше современной и, по мнению В.Г. Житникова, могла составлять приблизительно 180–200 кв. км³³.

Вернемся, однако, к окрестностям Елизаветовского поселения. Заметное понижение горизонта Таганрогского залива сказалось не только на выдвигании морского берега в западном направлении, но в конечном счете привело к кардинальному изменению некоторых других физико-географических характеристик интересующего нас района. Как было показано выше, к северу от основного поселения дельты находилось, по-видимому, большое озеро, связанное с морем полноводными рукавами. Один из них, вероятно, проходил по понижению рельефа между северным краем острова с Елизаветовским поселением и южной оконечностью речно-морской гряды с дюнами. Ныне на месте этого рукава фиксируются остатки узкого, почти полностью заросшего тростником ерика Дугин.

Увеличившийся гидрологический уклон рукавов устьевой области реки не мог не привести к заглуждению их русел, что, очевидно, вызвало понижение горизонта грунтовых вод в дельте. Наблюдения, сделанные во время археологических работ на территории "столицы", позволяют примерно оценить их уровень относительно современного. Такая исключительная возможность имеет свое объяснение. Основным видом жилых сооружений на Елизаветовском поселении в течение практически всего времени его существования являлся тип сильно заглужденного большого строения. Наиболее ранние постройки этого рода оказались впущенными в материк, т.е. в пласт лессовидного суглинка на глубину до 2 м. В настоящее время полы и хозяйственные углубления этих землянок подтапливаются водами даже в меженьный период.

При расчете уровня стояния грунтовых вод в дельте в скифское время я исходил из следующего: грунтовые воды в период паводковых и нагонных наводнений средней силы не могли проникать даже в самые глубокие землянки, более того, между полами жилых и хозяйственных помещений, с одной стороны, и горизонтом грунтовых вод – с другой, в это время имелось расстояние не менее 1 м. Средняя величина весенних наводнений в районе современной Елизаветинской станицы до постройки Цимлянского гидроузла составляла около 3 или 3,5 м³⁴. Предположив на основе принципа актуализма те же цифры для V–III вв. до н.э., получим разницу между древним и современным горизонтами, равную 4–4,5 м.

Общая высота "культурной части дельты", складывающаяся в данном случае из мощности почвенного слоя, – 0,5 м, глубины наиболее ранних землянок – 2 м и только что вычисленной разницы – 4–4,5 м, оказывается равной 6,5–7. Вполне естественно, что полученная цифра весьма приблизительно, однако она вполне позволяет опровергнуть сложившееся в науке представление о заселенной в скифское время области как о низком островке. В таких условиях вполне допустимо предполагать, что во время максимума фанагорийской регрессии, вызвавшей заглуждение русел рукавов Дона, паводковые воды реки не выходили из высоких берегов и уже во всяком случае не заливали сколько-нибудь значительных участков суши в окрестностях Елизаветовского городища и цепи больших песчаных холмов у хут. Дугино. Таким образом, площадь островов, годная для создания стационарных поселений и временных стоянок в средней части дельты в скифский период, была, несомненно, обширнее, чем в настоящее время.

Оценивая данное заключение под интересующим нас углом зрения, следует признать, что оно мало проясняет факт концентрации большинства населенных пунктов в столь ограниченном районе Призовья и возникновения здесь в IV в. до н.э. крупнейшего экономического центра "Великой Скифии". Равным образом мало что дает, по-видимому, и существование в дельте довольно значительных участков леса, широко использовавшегося в древности при строительстве жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений, для выжигания древесного угля, что, кстати, хорошо подтверждается результатами археологических раскопок последних десятилетий. Для этого требовались другие, более весомые причины.

Наименее заметную роль среди последних призвано было сыграть наличие какого-то, быть может даже более обширного, нежели ныне, фонда плодородных почв. Следует учитывать, что

³² Шелов. Танаис... С. 82–85.

³³ Житников. Дельта Дона...

³⁴ У г. Ростова-на-Дону эта же величина равна 4,7 м (см.: Ресурсы поверхностных вод СССР. Табл. 31).

в ходе фанаторийской регрессии и последующего высыхания поверхности островов на наиболее возвышенных незатопляемых участках дельты должны были постепенно появиться земли, пригодные для возделывания зерновых культур. Следы такого рода образований выявлены, в частности, под культурным слоем Елизаветовского городища во всех центральных и некоторых периферийных районах памятника. Вместе с тем совершенно очевидно и то, что при всех даже самых смелых допущениях размеры таких участков были все-таки весьма скромными и не могли стать базой для масштабного сельскохозяйственного производства.

Исключительно редкие, единичные случаи находок небольших зерновок ячменя и проса, предельно скудный набор орудий труда, так или иначе связанных с переработкой продукции земледелия, и практически полное отсутствие зерновых ям-хранилищ среди многочисленных хозяйственных комплексов, открытых в культурных напластованиях поселений, являются важнейшим показателем крайне слабого развития этой области экономики дельты Дона в раннем железном веке³⁵. Заметим, наконец, что указанное наблюдение в равной степени приложимо и к облику хозяйства большой греческой колонии, выведенной эллинами на рубеже IV–III вв. до н.э. на территорию "акрополя" Елизаветовского городища. Данное обстоятельство существенным образом затрудняет безоговорочное принятие недавно предложенного варианта отождествления этого нового памятника Северо-Восточного Приазовья и его ближайших окрестностей с неким безымянным городом и так называемой Псой, разделенной боспорским царем Евмелом на земельные участки для тысячи переселенцев из дорического Каллатиса³⁶.

Значительно более существенное воздействие на культуру негиз туземцев оказало наличие здесь в зимнее время года надежной кормовой базы для домашних животных. Приморские территории Нижнего Подонья раннего железного века, как и ныне, явно отличались от внутренних степей Северо-Восточного Приазовья несколько более мягким климатом и скорее всего имели сравнительно небольшой и неустойчивый снежный покров почвы, что создавало вполне благоприятные условия для тебеневки³⁷. Как сообщает Страбон (VII. 3.17), зимние пастбища скота кочевников находились "в болотах около Меотиды". Вполне допустимо, что в числе такого рода выпасов видное место занимали богатые степным разнотравьем заливные луга дельты. Именно это обстоятельство, очевидно, и стало одной из основных причин, стимулировавших относительно быстрое возникновение здесь постоянных зимников кочевников.

Вместе с тем было бы ошибкой чрезмерно преувеличивать степень участия этого фактора в дальнейшем развитии культурно-исторических процессов в регионе. Способствовал началу седентаризации части местных племен Нижнего Подонья, он, по всей видимости, вскоре утратил свое первоначальное значение. Нельзя забывать, что площадь заливных лугов дельты в скифское время была крайне ограниченной. Об этом прямо свидетельствуют и относительно небольшие размеры самого района и совершенно иной, более резкий, чем ныне, гидрологический уклон рукавов устьевой области Дона. Указанное положение уже изначально должно было лимитировать численность стада домашних животных, чрезмерное увеличение которого неизбежно вело к разрушению на больших площадях поверхностного слоя почвы и могло вызвать в результате перевыпаса продолжительную редукцию или даже исчезновение полноценной разнотравно-злаковой растительности. Весьма примечательно, кстати, что один из таких "экологических кризисов" в дельте, затронувший даже наиболее возвышенные территории района, разразился, по-видимому, именно в IV в. до н.э., т.е. во время наивысшего расцвета экономики и культуры местного населения³⁸.

Гораздо более серьезной причиной быстрого освоения этой маргинальной зоны степей, повлекшей за собой возникновение здесь "столицы" всего Северо-Восточного Приазовья и обусловившей в дальнейшем ее хозяйственное развитие, явилось поистине неисчерпаемое богатство ихтиофауны Нижнего Дона. Накопленные на сегодняшний день факты и наблю-

³⁵ См. также: *Житников*. Дельта Дона... С. 14.

³⁶ Ср.: *Федосеев Н.Ф.* Благодеяния Евмела // Межполюсные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. Материалы к конф. в Херсонесском заповеднике. Севастополь, 1992. С. 49–50; *он же*. Синопские керамические клейма как источник по политической и экономической истории Понта: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1993. С. 15; *Самохин С.В.* Проблема локализации Псой // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1992. С. 27–29.

³⁷ *Малик С.А., Нагайцев Л.А.* Климатическое районирование Северного Кавказа и Нижнего Дона. Ростов-на-Дону, 1957; *Лукьянко*. Природные условия... С. 20.

³⁸ *Тишков М.Ю.* Экологические аспекты хозяйственной деятельности человека на песчаных почвах дельты Дона // Итоги исследований Азовско-Донецкой экспедиции в 1986 году. Тезисы. Азов, 1987. С. 48.

дения однозначно свидетельствуют, что уже к началу IV в. до н.э. рыболовство в дельте носило крупномасштабный и, безусловно, товарно-промысловый характер. При этом, однако, следует учитывать, что такой облик оно получило, по-видимому, далеко не сразу.

Пришедшие в этот район во второй половине – конце VI в. до н.э. кочевые скифы на первых порах вряд ли испытывали нужду в отлове рыбы сверх необходимого для себя количества. Лишь постепенно и под воздействием расширяющихся торговых контактов с боспорянами, кровно заинтересованными в регулярном приобретении донской рыбы, объем добычи начал заметно увеличиваться. Есть все основания полагать, что быстро растущее пристрастие местного населения к престижной и высококачественной продукции греческих ремесленников и виноделов стало важнейшим стимулом расширения масштабов отлова. Накопленные материалы показывают, что уже в середине – второй половине IV в. до н.э. в дельте добывалось огромное количество рыбы, явно превышающее все мыслимые потребности самих туземцев. Об этом прямо свидетельствуют мощные пласты и хозяйственные сбросы остатков ее переработки – рыбьей чешуи и костей, обнаруженные буквально на всех исследованных ныне поселениях и стоянках района. Примечательно и то, что объектом лова являлись наиболее ценные породы: осетровые (осетр, белуга), карповые (сазан) и окуневые (судак). Состав ихтиофауны показывает, что жители Елизаветовского городища и его округи вели лов как в протоках самого Дона, так и в Азовском море. Судя по многочисленным находкам каменных и керамических грузил от снастей, костяных игл и специальных челноков для плетения, добыча рыбы велась по преимуществу с помощью больших плавных и ставных сетей и неводов, что требовало "артельной" организации труда.

В заключение отметим, что именно в этой сфере хозяйства в конечном счете оказалась так или иначе занята едва ли не большая часть населения дельты. Важнейшим результатом ее постоянного расширения под воздействием торговых связей с боспорскими греками явилось создание надежной местной материальной базы, на основе которой и стала возможной столь удивительная трансформация культуры бывших кочевников, приведшая в этом небольшом анклавном Северо-Восточного Приазовья к возникновению крупнейшего экономического и отчасти политического центра "Великой Скифии".

К.К. Марченко

THE ECOLOGICAL SITUATION AND THE CULTURAL GENESIS IN THE NORTH-EASTERN SEA OF AZOV – THE LOWER DON AREAS OF THE SCYTHIAN EPOCH

K.K. Marchenko

The nomadic tribes of the North-eastern Sea of Azov – the Lower Don areas of the 6th–4th c. B.C. were an integral part of the inhabitants of the steppe zone of the Eastern Europe of the Scythian epoch. At the same time the rhythm of the cultural genesis of the population of this territory had a number of specific features distinguishing it from others. In particular, here, much earlier and much quicker than in the west, in the Dnieper basin, began the settlement of nomads which soon led to radical changes in their culture and economy.

Modern historiography usually accounts for the accelerated tempo of the sedentarization of the nomads of the territory by two main factors, namely: the marginal position of the Lower Don area at the junction of three large ethnocultural entities – Scythians, Sauromatae-Sarmatians and Meotians, on the one hand, and close trade and cultural contacts of the local population with the Greek colonies of the Bosphorus, on the other.

At the same time it is quite obvious that one of the main factors impacting the rhythm and the character of the cultural genesis of the local population was a quite peculiar environment – the existence of the Don Delta with the developed system of river and sea ways and a big stock of valuable fish. It is this marginal area of the steppes of the North-eastern Sea of Azov region which have become the driving force of the development of indigenous culture by determining the form and conditions of the demise of nomadism in this part of the Great Scythia of Herodotus.